

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

В жерновах глобальной депрессии

От либерализма — к технологическому социализму

Время, брат, идет... веселое!

Аркадий Гайдар

Беспомощность либерализма перед лицом глобального кризиса

Представители глобального управляющего класса в своих публичных выступлениях демонстрируют, как правило, либо неспособность осмыслить происходящее с современным человечеством, либо принципиальное нежелание искать приемлемый для него выход. Их получившие известность высказывания характеризуют либо понимание «конца капитализма», не идущее дальше мучительно напряженного ожидания непонятных катаклизмов и заведомо нереалистичных предложений вроде создания «мирового правительства» или глобального «финансового Госплана», либо уровень фондовых аналитиков, мыслящих исключительно категориями сложившейся финансовой системы. В современных условиях кризиса этой системы, с неотвратимостью ведущего к ее саморазрушению и замене, подобное мышление оказывается не только недостаточным, но и попросту неадекватным — даже с точки

зрения тех узких и заведомо частичных целей, которые оно само перед собой ставит.

При всей обидности, это совершенно естественно: ведь экономическая теория является отнюдь не орудием чистого разума и не средством познания — вне зависимости от желания ее создателей и адептов, она по самой своей природе, в силу фундаментальной связи экономики с общественным управлением служит интересам той или иной значительной группы влияния. Либерализм как экономическая идеология, при всей своей примитивности и даже пошлости, обладает колоссальной мощью и притягательностью именно потому, что является инструментом самосознания и реализации интересов ключевого фактора мировой истории этапа глобализации — глобального управляющего класса.

Фундаментальный посыл современного либерализма, в отличие от XVIII века, заключается в стремлении отнюдь не к индивидуальной свободе и самовыражению личности, но, по сути дела, к исключаяющему возможность этого обожествлению гло-

бального бизнеса и его интересов. Наиболее значимым практическим следствием является глубоко укорененное убеждение, что национальные государства обязаны служить именно глобальному бизнесу, а если его интересы противоречат интересам национального бизнеса или тем более населения, последние должны в лучшем случае последовательно игнорироваться.

Воспринимая весь мир и его изменения с позиций исключительно глобального бизнеса, современный либерализм, разумеется, в принципе не способен осознать исчерпанность исторических перспектив последнего. Ведь загнивание глобальных монополий неизбежно — как ни оттягивая наступление этого момента — приведет к срыву в глобальную депрессию и разделению глобального рынка на разноуровневые макрорегионы, жестко конкурирующие друг с другом за спрос, капитал и другие ресурсы. Распад глобального рынка будет означать уничтожение глобального бизнеса как массового явления, определяющего развитие человечества. Большинство корпораций сохранится, их названия и даже собственники останутся почти прежними, — но масштаб их деятельности резко сузится, ограничившись рамками соответствующего макрорегиона, и из глобальных монополий они станут региональными, подпадающими в этом качестве под регулирующее воздействие соответствующих властей.

Это глобальный бизнес по определению больше любого государства и потому, стоя над ним, способен *de facto* (а часто и *de jure*) добиться освобождения от какого бы то ни было реального контроля с его стороны. Сужение же масштабов деятельности изменит соотношение сил между крупнейшим бизнесом и национальными (или макрорегиональными, как

в случае Евросоюза) властями, создав для последних реальную возможность восстановить его регулирование. И в условиях ужаса глобальной депрессии они будут просто вынуждены выжать из этой возможности все что можно — и даже немного больше.

Таким образом, глобальный бизнес, находившийся на подъеме по крайней мере с послевоенных времен, после Никсона подмявший под себя даже американское государство, уничтоживший своего последнего конкурента — Советский Союз и создавший на его костях принципиально новый субъект истории человечества — глобальный управляющий класс, за последние полтора десятилетия превратился из восходящей силы в нисходящую, из прогрессивной (разумеется, исключительно с точки зрения направленности развития человечества) — в реакционную. До сих пор мы видели его загнивание на примере образующих его экономическую базу глобальных монополий. Но последние годы убедительно демонстрируют качественно новый этап этого загнивания: неадекватность идеологии глобального управляющего класса, ее бесплодность достигли масштабов, которые становятся очевидными для представителей самого этого класса.

Его реакционность стала наглядной, но для него самого мало что изменилось: его лучшие представители всего лишь еще раз убедились в своей неспособности даже не справиться, а хотя бы просто осознать характер происходящих с ними событий. Однако никакая беспомощность не отменяет базовых, фундаментальных интересов — и потому глобальный управляющий класс будет отчаянно и неумолимо бороться за них, выглядя не только все более смешно, но и все более страшно. Особенно верно

последнее для периферийных, колонируемых им стран, находящихся, по сути дела, под внешним управлением.

Как будет устроен ад глобальной депрессии?

Мир полон парадоксов. Революционная новизна, как правило, стыдливо прикрывается лохмотьями традиций. И наоборот: призывы «построить новый мир на пустом месте», какими бы искренними они ни были, обычно волшебным образом приводят к воссозданию архаичных форм общественного устройства (как, например, колхозы воссоздали общину, а система оплаты труда в сталинском оборонном комплексе — принципы организации артели).

Мир уже потихоньку начинает, до срыва в глобальную депрессию, разделяться на макрорегионы: как обычно, будущее заранее накладывает на нас свой отпечаток. Характерными проявлениями этого служат формирование «зоны юаня» и то, что из всех стран «большой двадцатки» только Россия не усилила протекционистской защиты своей экономики после 2008 года. Мир, возникший в результате глобальной депрессии, видится сегодня некоторым аналогом возврата к межвоенному периоду с его разделенностью на «сферы влияния» и не просто отчаянной, но и головокружительной, непредсказуемой грызней всех со всеми.

Магистральной тенденцией станет, по-видимому, не возрождение национальных государств, слишком маленьких для макрорегионов, мало способных самостоятельно выжить в условиях обострения конкуренции и слишком разнородных внутренне в силу длительной и масштабной миграции, но частичное восстановление старых империй, хотя бы и

под новыми вывесками. Наиболее яркими примерами в этом отношении сегодня представляются Китай и Турция. Национальные же государства будут существовать «в тени» новых империй, в рамках конституируемых ими макрорегионов, в разной, но всегда весьма существенной зависимости от ключевых властей соответствующих пространств. Что же касается государств, не представляющих принципиального интереса для этих новых империй или важных исключительно как места извлечения природных ресурсов, то они будут неумолимо хаотизироваться и превращаться в зоны, мало пригодные даже для примитивного выживания людей. В этом отношении катастрофы Сомали, а затем и Северной Африки с Сирией представляются не столько результатом корыстного умысла и спецопераций, сколько проявлением новой глобальной тенденции.

Разумеется, макрорегионы будут существенно различаться между собой прежде всего по глубине интеграции; и конкуренция между ними будет заключаться в том числе и в недопущении слишком глубокой интеграции в стане противника, так как она может привести к его неприемлемому усилению. Например, макрорегион, стихийно слипающийся последние годы вокруг России (с минимальным, как это ни прискорбно, сознательным участием российского государства), будет значительно более слабым и рыхлым, чем целенаправленно выстраиваемая и жестко конструируемая объединенная Европа. При этом даже наиболее интегрированные макрорегионы будут иметь несколько внутренних «уровней» — подобно тому, как североамериканская зона свободной торговли значительно меньше зоны, которая сохранит доллар в качестве резерв-

ной валюты, а еврозона — значительно уже Евросоюза.

Макрорегионы будут отделяться (а порой и отрезаться) друг от друга далеко не только валютными войнами, масштаб и разрушительность которых неизмеримо вырастут по сравнению с современным положением, но и прямыми ограничениями торговли при помощи как тарифных, так и нетарифных методов. ВТО в этих условиях окончательно превратится в инструмент подавления развитыми странами (в первую очередь Запада) своих конкурентов. Ее департамент, занимающийся урегулированием торговых споров, и в настоящее время принимает решения, как правило, в пользу развитых стран, ограничивая доступ всех остальных к правосудию не слабее российской судебной системы. После же срыва в глобальную депрессию он окончательно станет столь же «объективным» — и, по всей вероятности, столь же «авторитетным», — что и Международный трибунал в Гааге. В конце концов члены ВТО окончательно прекратят обращаться на нее сколь-нибудь серьезное внимание, и эта, еще почтенная в настоящее время организация, уже на нашей памяти выродится в хозяйственный аналог позорно беспомощной Лиги Наций.

Распад глобального рынка, как и в целом срыв в глобальную депрессию, разорвет многие кооперационные связи, на первом этапе резко сократит масштабы производства и приведет к чудовищным бедствиям, которые вынудят резко ограничить демократические права и свободы даже в благополучных странах. Использование для этого ограничения принципиально различных методов (в зависимости от культуры и уровня технологического развития) — от «мягких» информационных диктатур, прибегающих к технологиям коллективного

«промывания мозгов», до традиционных полицейских режимов — весьма существенно повысит внутреннюю разнородность человечества.

В глобальной депрессии каждый макрорегион столкнется с необходимостью поддержания уровня жизни граждан, своей промышленной мощи и обороноспособности. Это будет серьезный вызов, так как производство драматически примитивизируется, причем не только из-за распада кооперационных связей, но и в силу сокращения масштабов рынка сбыта большинства видов продукции, что означает сокращение глубины традиционного разделения труда и, соответственно, уничтожение ряда сложных технологий, требующих для своего сбыта глобальных рынков. Первичное падение технологического уровня представляется неизбежным — его генеральную репетицию мы в схожих обстоятельствах пережили на руинах Советского Союза в 1990-х годах.

Некоторые макрорегионы не справятся с этим вызовом, не смогут остановить вызванную срывом в депрессию деградацию и будут частично поглощены своими более успешными конкурентами, а частично — хаотизированы. Однако другие, вероятно, смогут найти выход из положения при помощи освоения принципиально нового типа технологий, блокируемых сегодня разнообразными монополиями. Эти технологии, по сути, отрицают своим существованием жесткую рикардианскую обусловленность технологического уровня (с точки зрения задач, которые решал Рикардо, — уровня богатства) глубиной разделения труда. Сочетая за счет своего межотраслевого характера высокую производительность с простотой и дешевизной, они являются порождением совершенно нового этапа научного и технологического

развития человечества, наступившего, как обычно, совершенно внезапно как для включенных в процесс исследователей, так и для досужих наблюдателей.

Этот этап характеризуется отнюдь не ставшим привычным нам усложнением картины мира за счет наработки все более локальных, частных знаний. Напротив: его содержание — кардинальное упрощение картины мира за счет объединения и обобщения разрозненных узкоспециализированных достижений. Переход, пусть даже заведомо частичный и гарантированно неполный, от анализа различных фрагментов окружающего мира к синтезу полученных знаний, вероятно, временно, но позволит достичь новых технологических высот (и, что немаловажно, восстанавливать прежние достижения) даже в условиях глобальной депрессии. Последние характеризуются значительно меньшими по своим масштабам рынками, с меньшей глубиной специализации (то есть разделения труда), с меньшим масштабом и качеством как образования, так и в целом систем, занятых производством человеческого капитала.

Значительная часть сверхпроизводительных, но при этом относительно простых и дешевых технологий была наработана еще в советском ВПК, что дает естественные стартовые преимущества России и разрабатывающему ее богатства Китаю. Однако понятно, что эти стартовые преимущества могут и не быть реализованы, и тогда наработки советских специалистов и их российских продолжателей будут реализованы более гибкими управляющими структурами, которые частью сохранятся, а частью сложатся заново в США и Евросоюзе. Россия же может и не реализовать свои преимущества — просто из-за своего ужасающего положения.

Реальная перспектива России — скольжение в пропасть

Понимание нашего будущего требует осознания лишь двух бесспорных истин.

Первое: мировая цена нефти, как и сырьё в целом, в обозримом будущем (в перспективе 2—5 лет) существенно снизится. Вне зависимости от «сланцевой революции», которая уже сейчас болезненно ограничивает российский экспорт, удешевление сырья будет вызвано срывом мировой экономики в глобальную депрессию. Сегодняшняя дороговизна нефти вызвана тем, что крупнейшие экономики мира компенсируют сжатие коммерческого спроса (следствие загнивания глобальных монополий) наращиванием спроса, определяемого государством (через бюджет и главное — через эмиссию денег). Помимо долгового кризиса, это увеличивает спекулятивные капиталы (так как деньги просачиваются мимо контроля даже в китайской системе), поддерживающие сегодня рынки сырья.

Они далеко не всесильны — достаточно посмотреть на удешевление золота. Но рынок нефти наиболее спекулятивен по самой своей структуре (мировая цена определяется на очень узком его сегменте, максимально открытом спекулятивным воздействиям) и потому будет поддерживаться спекулянтами до конца, до самого срыва в депрессию, в которой спекулятивные капиталы сгорят первыми. Этот срыв можно оттягивать, но нельзя избежать — и его вероятность нарастает.

Однако — и это *вторая* очевидная истина, — вне зависимости от мировой цены нефти, созданная в России воровская модель экономики будет сама по себе с нарастающей силой генерировать внутреннюю напряжен-

ность — до тех пор, пока эта напряженность не разрушит хрупкую уже сегодня социально-политическую стабильность. Российское государство производит впечатление механизма, исправно перерабатывающего советское наследие (включая биомассу, по праздникам именуемую «населением») в личные богатства правящей тусовки, вывозимые за рубеж и легализуемые в фешенебельных странах. Все по-настоящему влиятельные группы общества, участвуя в процессе, всецело его поддерживают и считают не чудовищным преступлением против человечества (уже повлекшим для нашей страны не менее тяжкие последствия, чем нашествие Гитлера), а естественным и единственно возможным способом существования России.

Все пороки и недостатки, на которые привычно сетуют аналитики, — коррупция, произвол монополий, искусственная нищета, дебилизация населения, незащищенность собственности, силовой рэкет и прочее — не более, чем естественные внешние проявления этой модели. Она является несравнимо более самодельской, чем даже позднесоветская экономика, и не допускает развития в принципе: «сколько страну ни грабь, модернизация не начнется». Поэтому рост экономики замедляется даже при благоприятных внешних условиях, из-за чего средств начинает не хватать для удовлетворения растущих appetитов всех «групп влияния», которые вгрызаются друг в друга, разрушая систему в целом.

Россия вошла в это состояние, самое позднее, в 2011 году, когда резкое повышение мировых цен на нефть впервые не вызвало ускорения экономического роста и более того — сопровождалось снижением благосостояния основной части общества. Учет занижения официальной инф-

ляции и уверенного роста благосостояния наиболее богатых позволяет оценить снижение реальных доходов 90 процентов россиян в совокупности не менее чем на 7,5 процента. Причина проста: из-за низких темпов роста ключевые «группы влияния» не могли удовлетворять свои аппетиты по-прежнему и стали решать проблему за счет бесправного в рамках «суверенной демократии» населения. Бесовестный грабёж, да еще в условиях видимого процветания, породил феномен «рассерженных горожан». Перепугавшаяся власть пошла на попятный: в 2012 году рост официальных реальных доходов ускорился более чем в 10 раз (с 0,4 до 4,2 процента). Но теперь ресурсов «для распила» стало уже не хватать кланам коррупционеров — и они стали грызть друг друга, борясь за сократившиеся ресурсы. Внешним проявлением этой грызни стали «антикоррупционные» скандалы, создавшие угрозу правящему классу как таковому и потому быстро спускаемые «на тормозах».

Эти скандалы были борьбой не с коррупцией как явлением, а с коррупционерами, так как были направлены на конкретных лиц и не сопровождались реальными попытками изменить порочные правила, порождающие коррупцию. Последние, похоже, устраивали почти всех: скандалы вели к замене «чужих» коррупционеров на «своих» в рамках сохранения прежних правил игры. Вероятно, в 2013 году правящая тусовка осознает, что подавление населения в краткосрочном плане менее опасно (и более приятно) для нее, чем межклановые распри, и вернется к политике образца 2011 года. Да, она будет разжигать ненависть к власти во все более широких слоях общества, — но при этом позволит в преддверии кризиса (если не российского, то глобального) форсированно наращивать богатства

бюрократии. А ведь последняя не собирается ждать ужасных плодов своей стратегии: она заранее готовится к катастрофе, выводя свои богатства в фешенебельные страны.

Таким образом, в ближайшие пять лет России, вероятно, предстоит вместе с миром рухнуть в разрушительную глобальную депрессию (при которой упадут цены сырья и сократится его экспорт). В те же пять лет России предстоит — уже по сугубо внутренним причинам — сорваться в глубокий системный кризис, в новое Смутное время. Падение в глобальную депрессию автоматически дестабилизирует нашу страну; но если ключевым участникам мировой экономики удастся удерживаться на грани катастрофы, поддерживая относительную стабильность, наша страна сорвется в свой собственный кризис сама, по собственным причинам. Конкретный сценарий наступления Смуты пока не виден, так как все факторы возможной дестабилизации (удешевление нефти, разрушение советской инфраструктуры, обострение «дружбы народов», межклановые конфликты) не поддаются количественной оценке.

Непосредственные задачи России в глобальной депрессии феноменально просты: формирование и развитие своего макрорегиона с максимальным использованием его собственных ресурсов. Развитие за счет внутреннего рынка — универсальное правило выживания в депрессии: никаким иным образом нельзя накопить потенциал для попытки осуществления экспансии на внешние, внезапно закрывшиеся в результате срыва в депрессию рынки. Россия будет вынуждена решать эту задачу в уникально невыгодных условиях. На раннем этапе внешнего и внутреннего кризисов сохранится современная ситуация мягкого внешнего управления, вызванная выводом критически

значимых активов правящего класса (от денег до детей) за рубеж. Это не только делает его уязвимым перед сознательным давлением со стороны конкурентов, но и, что значительно более важно, способствует размыванию его самосознания: его представители управляют Россией, исходя из интересов не столько своего имущества на ее территории, сколько своего имущества на территории ее стратегических конкурентов.

Разумеется, рост конкуренции и разделение мира, вызванные срывом в глобальный кризис, ужесточат противоречие между интересами правящего класса и его общественной функцией и, вероятно, приведут к утрате им своего влияния на Россию. Однако этот процесс будет разрушительным — как в силу естественного сопротивления правящего класса (благодаря которому единое в своих интересах и самосознании большинство российского общества до сих пор не обрело не только своего политического представительства, но даже и простого политического выражения), так и в силу вынужденной реализации им враждебных России интересов. В результате к тому времени, когда российское общество получит наконец возможность обретения политической власти над собой и выражения своих интересов при помощи государственных механизмов, и страна в целом, и население будут находиться в значительно худшем состоянии, чем сейчас. В частности, значительная часть международных резервов, вложенная в иностранные ценные бумаги в целях (в том числе) поддержания западной финансовой системы, обесценится из-за естественного падения стоимости этих бумаг в ходе срыва в глобальную депрессию.

Поэтому, какие бы колоссальные резервы и ценой какой бы чудовищ-

ной деградации ни накапливала Россия вчера и сегодня, в критических условиях они нам не помогут. Их реальная функция, насколько можно понять, не имеет ничего общего с официально декларируемой: как честно признал «паж» либерального клана вице-премьер Дворкович, Россия должна платить за финансовую стабильность США. И она, добавлю, будет продолжать это делать, пока власть над ней удерживает современная правящая тусовка. Однако в 2013 году и мировая экономика, и Россия скорее всего еще будут стабильны. Это ставит на повестку дня вопрос если и не о предотвращении надвигающихся кризисов, то хотя бы о минимизации их последствий.

Попытки «увести леммингов» оправданны

Неоднородность правящего класса и обострение грызни внутри него дают шанс разъяснить ситуацию и необходимость перехода от политики воровства к политике развития. Попытки эти скорее всего безнадежны, ибо классовые интересы доминируют над индивидуальным пониманием. Достаточно вспомнить, как перед дефолтом 1998 года многие аналитики пытались разъяснить либералам опасность катастрофы и необходимость прекращения спекуляций на рынке ГКО. Либералы видели последствия своей деятельности не хуже непрошенных доброхотов, но не могли остановиться. Каждый понимал: если он просто прекратит воровать, то лишится огромных денег, которые вместо него достанутся его коллегам или еще хуже — конкурентам. Если же он будет пытаться ограничить механизмы разворовывания бюджета, уничтожающие страну, то станет врагом всего правящего класса и будет в лучшем случае уволен (а то и убит).

Понимание этого вынудило массы либералов, подобно стае леммингов, нестись к финансовой пропасти 1998 года и в итоге увлечь за собой страну.

Классовые интересы, какими бы самоубийственными они ни были, всегда доминируют над индивидуальным пониманием членов класса: даже если все лемминги без исключения увидят, что несутся в пропасть, — будучи объединенными в социальный организм, они не смогут и даже не захотят остановиться. Таков важнейший практический урок дефолта. Применительно к современной ситуации он означает бессмысленность разъяснительной работы среди членов правящего класса: они прекрасно понимают характер и последствия своей деятельности. Периодически наиболее совестливые (или наименее аккуратные) не выдерживают и уезжают за границу, «на пенсию» (или выбрасываются на обочину конкурентами); это ведет лишь к передаче их полномочий другим, менее задумывающимся и потому более удачливым членам этого класса.

Леммингов нельзя остановить — их можно лишь увести в сторону; но это требует переубеждения «главного лемминга», непосредственно направляющего процесс и задающего его рамки. Некоторые сдвиги в поведении российских властей (назначение ряда разумных министров, перевод С. Глазьева из Таможенного союза в помощники В. Путина, поручение Академии наук разработать нелиберальную экономическую программу) вызывают слабые надежды. И все усилия по повышению адекватности высшего российского руководства (которое в Смуте ждет либо камера в Гааге, либо шариатский суд в Чечне) полностью оправданы.

Вот только надеяться на то, что эти усилия заставят перейти от уничтожения страны к ее развитию, не стоит: вероятность отлична от нуля, но не

очень сильно. Ведь развитие страны означает сокращение воровства, то есть подрыв благосостояния правящего класса. И руководителю, который всерьез озаботится нормализацией России, предстоит объявить войну не на жизнь, а на смерть собственной опоре — тому правящему классу, который создан и выстроен его усилиями, в соответствии с его предпочтениями. А новую опору, новую социальную базу придется создавать на пустом месте, голыми руками в условиях войны со своими вчерашними друзьями и подельниками — и совсем не факт, что ее удастся создать. Более того: развитие России превратит

осуществляющего его руководителя в лютого врага Запада и Китая, так как создаваемые производства будут ограничивать импорт — и перекладывать прибыли (все более ценные по мере приближения глобальной депрессии) иностранных производителей в карманы российского бизнеса.

Важно и то, что деньги, выводимые сегодня из России и поддерживающие финансовую систему Запада, начнут возвращаться обратно. Это будет рассматриваться Западом как диверсия — и караться соответственно, вне рамок какого бы то ни было законодательства. Таким образом, решиться на отказ от комфортного скольжения в пропасть ради нормализации России трудно и страшно: с точки зрения личного благоденствия руководителя страны это будет означать отказ от гипотетической катастрофы в неопределенном будущем в пользу немедленной и понятной катастрофы прямо сейчас. Поэтому всерьез надеяться, что «верховный лемминг» озаботится

своим долгом и кардинально изменит свою политику, не стоит.

Но стараться и прикладывать для этого все силы необходимо, ибо в истории иногда срабатывают и крайне низкие вероятности. Кроме того, прелесть общественных наук — в принципиальной невозможности знать многое из того, что происходит прямо

Руководителю, который всерьез озаботится нормализацией России, предстоит объявить войну не на жизнь, а на смерть собственной опоре — тому правящему классу, который создан и выстроен его усилиями, в соответствии с его предпочтениями.

сейчас: многое становится понятным лишь с большим опозданием. Этот «принцип неопределенности» и обуславливает огромную роль личности в истории — и мы не должны опускать руки, так как на карту поставлено слишком многое. С другой же стороны, в точках исторических переломов даже самое слабое воздействие может оказаться решающим. Каждый из нас может стать соломинкой, ломающей спину верблюда, — и мы обязаны использовать все имеющиеся или кажущиеся возможности до последней.

Хотя бы потому, что альтернатива слишком ужасна.

Принципы выживания России

Сторонники лозунга «чем хуже, тем лучше» отличаются либо надежным гнездышком в фешенебельных странах, либо альтернативной интеллектуальной одаренностью, позволяющей не обращать внимания на

неизменную чудовищность российских смут, сопровождаемых голодом и массовым истреблением людей. Лозунг «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей» не выдержал проверку гражданскими войнами, голодом, эпидемиями и геноцидами: его авторы жили слишком цивилизованно для понимания того, что даже у последнего бедняка можно отнять жизнь. Смута в завтрашней России будет означать не только социальный и политический, но и этнический конфликт. Поэтому максимальное сокращение ее длительности и разрушительности — категорический императив для всех, кто пытается жить в нашей стране.

С экономической точки зрения задачи предотвращения и прекращения Смуты почти не различаются: базовые меры примерно одинаковы (хотя, конечно, осуществлять их вне хаоса, при сохранении единства страны неизмеримо проще). Главным дефицитом в условиях глобальной депрессии и распада мирового рынка на макрорегиональные фрагменты будет спрос; единственный способ выживания в этих условиях — развитие не внешних связей, но собственной экономики с максимальным использованием своих ресурсов.

В отличие от многих стран, Россия может развиваться на собственной базе — за счет модернизации инфраструктуры. Неминуемое при срыве в глобальную депрессию удешевление сырья ставит крест на идеологии «энергетической сверхдержавы» (о которой и так стараются не вспоминать после начала «сланцевой революции» в США) и создает реальную возможность ее переработки в идеологию «инфраструктурной державы». С точки зрения отдельной фирмы вложения в инфраструктуру невыгодны, так как окупаются долгие десятилетия (именно поэтому так

износилась со времен Рейгана инфраструктура США). Поэтому развитие за счет модернизации инфраструктуры возможно, лишь исходя из интересов общества — с учетом всей совокупности выгод от роста деловой активности. Различие в подходах колоссально: с точки зрения фирмы первая ветка Транссиба окупилась через полвека — уже во время коллективизации; а с точки зрения общества — примерно за десять лет. Это значит, что главным субъектом экономического развития России сегодня и завтра может быть только государство, причем служить оно должно интересам своего народа, а не чужого глобального бизнеса (интересы которого остервенело отстаивают либералы).

Модернизация инфраструктуры требует резкого ограничения коррупции (иначе деньги будут украдены и уйдут на Запад) и произвола монополий (иначе будет, как с медведевским «доступным жильем»: вместо новой инфраструктуры возникнет новый уровень цен). Вопреки насаждаемым либералами представлениям ни в том, ни в другом нет ничего принципиально сложного; заботящиеся о своих народах государства давно отработали соответствующие технологии. Чтобы модернизация инфраструктуры развивала российских производителей, а не их иностранных конкурентов, нужен разумный протекционизм — хотя бы на уровне Евросоюза. Это означает как минимум пересмотр кабальных условий присоединения России к ВТО или выход из этой организации (бесполезной для страны, экспортирующей сырье и оружие).

Вынужденная модернизация инфраструктуры определяет облик и структуру занимающегося ею общества весьма жестко. Модернизация как таковая невозможна в условиях рабского труда. Поэтому политика замещения россиян нелегальными миг-

рантами должна быть заменена политикой сохранения традиционного этнокультурного баланса. Этнические мафии, занимающиеся в том числе работоторговлей и наркоторговлей, со всем своим политическим и юридическим обеспечением должны последовательно уничтожаться в рамках борьбы с коррупцией.

Относительно сложные технологии требуют образованной рабочей силы. Поэтому образование и здравоохранение должны быть доступны для всех (при сохранении массовой бедности — бесплатны для большинства), а государство обязано жестко контролировать их качество. Оно же должно гарантировать экономическую составляющую права на жизнь — реальный прожиточный минимум (различающийся в зависимости от климата и уровня цен), без которого страна неминуемо превращается в концлагерь, а значительная часть населения утрачивает необходимые для модернизации мотивации просто от голода.

Работа в этих направлениях преобразит Россию в кратчайшие сроки и даже в самых бедственных условиях. А они будут действительно бедственными. Стоит напомнить: безденежье, разруха, глубокая дебилизация (и в целом деградация) общества, разрушение инфраструктуры и жестокие межэтнические конфликты (вызванные в том числе попытками этнических мафий прийти к государственной власти) — вот вполне объективно обусловленные условия, в которых нам предстоит восстанавливать Россию после срыва мира в глобальную депрессию. Это требует не только заблаговременной проработки необходимой стратегии и сколачивания политико-управленческих команд (без которых наша цивилизация вполне может погибнуть и из состояния «дальневосточной Европы» перейти

в положение «Северного Ближнего Востока»). Это требует предельно ясного понимания главного противоречия сегодняшнего и завтрашнего этапов развития человечества, которое будет всецело определять как его характер, так и наших противников и союзников.

Противоречие данное, впрочем, представляется простым и самоочевидным: между глобальным бизнесом сегодня и крупным бизнесом, в который он превратится завтра и который будет всеми силами рваться из макрорегионов обратно на глобальные позиции, с одной стороны, и человеческими обществами, объединенными своей культурой и привязанными к своей земле, с другой. На операциональном уровне — между людьми, считающими, что государство должно служить глобальному бизнесу, и уверенными, что оно должно служить своему народу. Между либеральными фундаменталистами и всеми остальными, несмотря на их порой патологическое разнообразие.

Указанное противоречие дает нашей Родине хороший шанс даже при самых ужасных внешних и внутренних обстоятельствах.

БРИКС как основа Шестого Интернационала?

Глобальные монополии и их либеральная обслуга категорически отрицают любое обособление от глобального рынка, и в первую очередь обособление, закрепленное государственными институтами. Поэтому они являются не просто эксплуататорами, но и кровными врагами всякого общества, стремящегося к развитию и росту благосостояния: эти процессы должны быть исключительной привилегией самих глобальных монополий и обслуживающих их «эффективных менеджеров». Остальная

же человеческая масса приговорена их неумолимой коммерческой логикой к деградации и утилизации в их персональные и корпоративные богатства.

На фоне этого неукротимого в силу своей объективной обусловленности людоедства теряют значение разногласия и даже противоречия предшествовавших эпох — примерно так же и по тем же причинам, по которым они теряли значение в гитлеровских лагерях уничтожения. Левые и правые, атеисты и фанатики, националисты и интернационалисты, евреи и антисемиты, интеллектуалы и гопники равно не имеют никакой самостоятельной ценности перед останавливающимся, но еще всесокрушающим катком глобального бизнеса и равно рассматриваются им не более чем как полуфабрикат для извлечения прибыли.

Общий враг — причем сознательный, последовательный и органически не способный к каким бы то ни было компромиссам — создает естественную почву для объединения против него. Содержанием мировой истории ближайшего десятилетия станет национально-освободительная по своей сути борьба самых разных народов за свой реальный суверенитет, против «железной пяты» глобальных монополий, — борьбы, которой срыв человечества в глобальную депрессию принесет трагическую победу. Общность интересов в этой борьбе создает основу для парадоксального союза патриотов разных стран, в том числе и конкурирующих друг с другом. Ведь, конкурируя, они в силу своих патриотических взглядов все же не отрицают права на существование друг друга, в то время как глобальный бизнес считает чудовищным извращением любое обособление какого-либо общества от его разрушающего (на сегодняшнем этапе развития человечества) влияния.

При всей парадоксальности нечто подобное бывало даже в относительно недавней истории. Оставив за рамками антигитлеровскую коалицию в силу как очевидности, так и исторической скоротечности этого примера, вспомним, например, Священный союз — объединение монархий Европы первой половины XIX века в общем противостоянии сначала Наполеону, а затем тогдашней революционной волне. При всем цинизме и страхе, с которыми европейцы эксплуатировали романтизм Николая I, Священный союз деятельно и эффективно отстаивал фундаментальные монархические принципы. Своими частными интересами жертвовала не только Россия, но и, иногда, некоторые его европейские участники (хотя бескорыстное служение этой идее Николая I и привело его к личной и государственной катастрофе в ходе Крымской войны с укрепившимися благодаря его помощи союзниками).

Современным аналогом Священного союза может стать БРИКС. Постмодернистски анекдотическое появление этого объединения, «для красного словца» выдуманного фондовым аналитиком на основании случайного кратковременного сближения формальных параметров, не должно заслонять от нас длительности его существования и возникших в этой первоначально придуманной структуре серьезных партнерских отношений. БРИКС оказался устойчивым объединением и даже включил в себя Южную Африку именно потому, что в него вошли страны, способные к самостоятельному развитию и не принимающие в силу этого либеральную идеологию глобального бизнеса. Даже самые компрадорские руководители этих стран готовы сотрудничать с глобальными монополиями лишь на правах младших партнеров и совершенно не согласны на желательное

для тех (просто в силу стремления к максимизации прибыли) бесправное положение младших менеджеров.

Это не просто столкновение корыстных амбиций — это обособление в пока еще едином глобальном рынке весьма значительных кусков, которые оказываются не по зубам даже могущественному глобальному бизнесу. Это слабые и не сознающие себя, но тем не менее достаточно стойкие и уже нащупавшие друг друга зародыши будущего, которые в совокупности, несмотря на всю глубину различий между ними (а отчасти, возможно, и благодаря ей), способны оказать определяющее влияние на формирование новых правил игры и в целом архитектуры мира после его срыва в глобальную депрессию.

Технологический социализм: альтернатива новому средневековью

Российские мыслители — в частности М. Хазин и А. Фурсов — каждый по-своему, но в принципе в один голос указывают, что завершение глобального проекта либерализма с исторической точки зрения вполне закономерно совпало с его победой. В 1991 году уничтожением Советского Союза было завершено формирование единого глобального рынка — и уже в 1994-м мексиканский кризис сигнализировал о начале проблем, связанных с загниванием глобальных монополий. Стратегическая истерзанность либерального проекта стала очевидной миру уже в ходе долгового кризиса развивающихся и неразвитых стран в 1997—1999 годах.

Срыв в глобальную депрессию ставит на повестку дня существование не одной лишь только России, но и всего человечества как такового. В частности, становится непонятно: как в принципе удастся развивать техноло-

гии в условиях умирающей системы кредитования, да еще и без военной угрозы, которая одна создает должные стимулы по их развитию? Более того, непонятно, как вообще сохранять технологии в условиях кризиса науки и образования, вызванных кризисом современного знания как такового из-за снижения степени познаваемости мира. В США, например, накопленная инфраструктура уже обветшала, так как общественные блага (и, соответственно, общественные усилия) нерентабельны с точки зрения фирмы — а ведь разрушение технологической инфраструктуры будет означать быструю примитивизацию жизни и радикальное сокращение численности человечества.

Если подниматься на философский уровень — как сохранять человеческий облик в ситуации, когда господствующая идеология либерализма принципиально отрицает мораль как таковую (яркой иллюстрацией этого служит неожиданно истерическая реакция Чубайса даже на простое упоминание Достоевского), а резкое ухудшение условий жизни создает сильнейший соблазн избавиться от моральных норм, сохраняющихся «по инерции»? Решение этих проблем представляется взаимосвязанным, ибо сохранение технологий и их развитие позволят сохранить и даже повысить массовый уровень жизни, что в свою очередь создаст предпосылки для предотвращения расчеловечивания.

И напротив, падение уровня жизни, даже временное, может привести к падению численности специалистов ниже критического уровня, утрате технологий и срыву человечества в новые «темные века» даже не по социально-политическим, а по сугубо технологическим, материальным причинам.

Уникальность России — и ее главный в настоящее время историче-

ский шанс — заключается (разумеется, среди прочего) в русской культуре (понимаемой в широком смысле этого слова, как образ действия и мировосприятие), созидющей нашу цивилизацию. Эта культура является в настоящее время единственной культурой мира, которая одновременно и отрицает либеральный идеал вседозволенности (противопоставляя ей справедливость, то есть мораль), создавая возможность сохранять человеческий облик даже в тяжелейших условиях, и имеет серьезнейший опыт развития технологий. При этом исторически технологии развивались носителями этой культуры преимущественно не на частной, а на государственной основе (задолго до Советской власти, еще на казенных оружейных мануфактурах) — что в условиях депрессии представляет единственно возможной формой устойчивого развития общества.

Особенности русской культуры могут позволить нашему обществу выковаться под ударами глобальной депрессии и внутренней Смуты в новое общественное устройство — своего рода «технологический социализм», объединяющий требуемые современному человечеству больше всего технологический прогресс и гуманизацию на основе отказа от эксплуатации человека человеком как основы человеческого общества. Разумеется, и эксплуатация, и рынок останутся — как сохранялись они и при обычном социализме (не стоит забывать, что даже в 1938 году малый бизнес, выражаясь современным языком, давал 12 процентов промышленного производства СССР). Но основой экономической жизни общества будут отношения индивида с обществом в лице

государства, а не отношения индивидов между собой.

Этот наиболее экономичный способ организации как нельзя лучше соответствует вынужденно спартанским условиям глобальной депрессии и будет в разных формах и в разной степени вынужденно принят большинством макрорегионов; но лишь для нашей культуры он окажется одновременно органичным и позволяющим продолжать технологический прогресс. Среди прочего такая перспектива создает объективную потребность тщательного изучения управленческих и социальных технологий и механизмов сталинского Советского Союза, сумевшего весьма эффективно стимулировать технологический прогресс далеко вне зоны применения насильственного принуждения.

Итак, наши перспективы неутешительны — но человеческой природе свойственно переживать и бояться. Мы принадлежим к поколению, которому выпало переживать и бояться не фантомов и эгоистических мелочей вроде воспето-го ранним Маяковским гвоздя в сапоге, а действительно колоссальных катаклизмов, которые изменят облик не только наших стран и народов, но и всего человечества. В определенной степени это историческая удача. И как бы дорого нам ни пришлось платить за нее, будем помнить: не случись предстоящих нам кошмаров, мы все равно страдали бы и переживали — вот только по несравнимо менее значимым причинам.

Нам придется прожить свою жизнь всерьез: постараемся же сделать это надолго. ◆